

рупы — ее работа. Она изучает их, думает о них. Они часто снятся ей по ночам. Но мало этого — оказывается, в каких-то потаенных, ей самой неведомых закоулках сознания она жалеет их.

Десять лет службы в полиции закалили Еву, научили здравому взгляду на смерть и на то, что так или иначе к ней приводит. Кто-то, может быть, и назвал бы этот взгляд циничным. Да и зрелище, представшее ее взору дождливой ночью на замусоренной улице, не было чем-то из ряда вон выходящим. Но оно потрясло Еву.

Женщина была красива. Волосы ее золотой волной разметались по грязному тротуару. Широко раскрытые глаза казались неестественно лиловыми на омытом холодным дождем бескровном лице. В них застыло выражение горького недоумения, столь частое у нежданно встретивших смерть.

Дорогой костюм женщины был того же цвета, что и ее глаза. Пиджак оставался застегнутым на все пуговицы, но юбка задралась, оголив строй-

6 НОРА РОБЕРТС

ные бедра. На пальцах, в ушах, на лацкане пиджака — везде были драгоценности. Кожаная сумочка с золотой застежкой валялась рядом.

Горло ее перерезал страшный кровавый шрам.

Присев на корточки, лейтенант Ева Даллас внимательно осмотрела тело. Картина была ей знакома — чего только она не успела навидаться, — но каждый случай имел свои особенности. Ведь ни одна жертва не похожа на другую, и у каждого убийцы особый почерк, и потому всякое убийство в своем роде уникально.

Прибывший по вызову наряд знал свое дело — поперек улицы уже были расставлены полицейские маячки, а щиты ограждения надежно укрывали место происшествия от взоров зевак; благодаря этим щитам оно странным образом выглядело почти уютным. Дорожное движение, и без того не слишком интенсивное в этом районе, перекрыли. Из соседнего борделя неслась разудалая музыка, время от времени слышались вопли и гогот посетителей. Разноцветная вращающаяся вывеска заведения то и дело озаряла сцену вспышками неона, отчего по телу убитой женщины пробегали фантастические блики.

Ева подумала было прикрыть бордель на сегодня, но решила не связываться — себе дороже. В здешних местах убийства не были редкостью, и никто из посетителей заведения не понял бы, с какой это стати из-за незнакомой мертвой бабы им всем ломают кайф.

Один полицейский с разных ракурсов снимал

место происшествия на видеокамеру. Чуть поодаль двое репортеров, съездившись от сырости и холода, ждали своей очереди, лениво обсуждая спортивные новости. Они еще не видели жертву и поэтому понятия не имели, кто она.

«Интересно, лучше это или хуже — знать жертву?» — размышляла Ева, немигающим взглядом уставившись на лужу крови, смешавшейся с дождевой водой.

С прокурором Сесили Тауэрс она общалась только по службе. Но и этого Еве было достаточно, чтобы составить о ней четкое представление как о женщине сильной и целеустремленной. Состоявшаяся личность, думала Ева, настоящий боец, твердо стоявший на страже правосудия.

Уж не по делам ли правосудия занесло ее в это ужасное место?

Со вздохом Ева нагнулась, достала из дорогой изящной сумочки удостоверение личности убитой и, глядя на него, начала наговаривать в диктофон:

— Сесили Тауэрс, сорок пять лет, разведена. Адрес: 83-я улица, 2132, квартира 61Б. Не ограблена. Ювелирные украшения на месте. При ней... — Ева быстро проверила содержимое бумажника, — двадцать долларов банкнотами и пять кредитных карточек. Явных следов борьбы или попытки изнасилования нет.

Закончив диктовать, она снова посмотрела на распростертую на тротуаре женщину. «И что ты,

8 НОРА РОБЕРТС

Тауэрс, здесь забыла? Какого черта тебя занесло так далеко от мест, где бывают люди твоего класса?»

Одета как на работу, пришло в голову Еве. Она отдавала должное вкусу Сесили Тауэрс и искренне восхищалась ею: безупречные костюмы насыщенных цветов, которые хорошо смотрятся на экране телевизора, и точно подобранные аксессуары, придающие облику прокурора женственность.

Ева выпрямилась, автоматически отряхнула колени.

— Убийство, — бросила она полицейским. — Упакуйте тело.

Ева ничуть не удивилась, увидев на тротуаре у дома Сесили Тауэрс стайку вооруженных телекамераами журналистов. Они уже пронюхали про убийство и теперь шли по следу. В их лицах Еве всегда чудилось что-то волчье. Это была стая хищников, не намеренных возвращаться в логово без добычи — сенсационной информации. На то, что уже три часа ночи и льет как из ведра, этим тварям было глубоко плевать.

Игнорировать камеры и не обращать внимания на градом обрушивающиеся вопросы Ева научилась сравнительно недавно. Телевизионщики и пресса впервые обратили на нее пристальное внимание из-за громкого дела, которое она расследовала минувшей зимой. Но не только из-за того дела, добавила Ева мысленно, ледяным взглядом изничтожив репортера, набравшегося было

наглости преградить ей дорогу. Еще из-за ее отношений с Рорком.

Зимой она расследовала несколько убийств, совершенных с особой жестокостью. Но о любом убийстве, даже самом зверском, люди вскоре забыли бы. Рорк же не позволял забыть о себе ни на один день.

— У вас уже что-нибудь есть, лейтенант? Кого вы подозреваете? Каков мотив преступления? Правда ли, что тело прокурора Тауэрс найдено обезглавленным?

Чуть замедлив шаг, Ева окинула взглядом кучку мокрых насупленных репортеров. Она сама промокла, устала и была на взводе, но об осторожности не забывала. Она уже усвоила, что с людьми из средств массовой информации надо держать ухо востро: стоит хоть в чем-то подставиться — и они уже своего не упустят, сожрут со всеми потрохами.

— В настоящий момент от имени Управления полиции Нью-Йорка я могу заявить только, что расследование обстоятельств гибели прокурора Тауэрс начато.

— Дело поручено вам?

— Да, мне, — ответила Ева и, миновав двух полицейских охранников, вошла в подъезд.

Просторный холл многоэтажного здания был полон цветов. Благоухающие пышные букеты заставили Еву вспомнить об утопающем в ароматах весны экзотическом острове, на котором они с Рорком провели три незабываемых дня — ей то-

гда надо было восстановить силы после пулевого ранения и общего нервного истощения.

В других обстоятельствах она не отказала бы себе в удовольствии предаться волшебным воспоминаниям, но теперь, показав охране свое удостоверение, Ева решительно направилась к лифту.

По холлу сновали полицейские. Двое возились с компьютерной системой безопасности, другие наблюдали за входными дверями, у лифтов тоже была выставлена охрана. Народу сюда явно нагнали больше, чем это необходимо, — отметила Ева. Но, в конце концов, это можно понять, ведь при жизни прокурор Тауэрс была их коллегой.

— Квартира охраняется? — спросила она у полицейского у лифта.

— Да, мэм, — ответил тот. — После вашего звонка в два десять никто не входил в квартиру прокурора и не выходил из нее.

— Мне понадобятся записи системы безопасности. Для начала — за последние двадцать четыре часа, — сказала Ева, заходя в лифт, и нажала на кнопку нужного этажа.

Двери закрылись, и кабина плавно пошла вверх.

На тридцать первом этаже царила музейная тишина. Холл, в отличие от нижнего, был тесным, как и в большинстве жилых небоскребов, построенных за последние полвека. Пол устилал пушистый ковер, в стены через равные ин-

тервалы были вделаны зеркала, призванные создавать иллюзию пространства.

Зато в квартирах, очевидно, с пространством было все нормально: на каждом этаже их только три, пришло в голову Еве. Специальной полицейской отмычкой она открыла дверь и вступила в апартаменты Сесили Тауэрс.

С первого взгляда было видно, что хозяйка квартиры очень неплохо зарабатывала и на обустройство жилища денег не жалела. Еве сразу бросились в глаза две картины, украшавшие бледно-розовую стену над диваном в розовую и зеленую полосу. Фамилию художника Ева и не пыталась вспомнить: ее познания в живописи были весьма скромными, да и теми она была обязана Порку, равно как и умением за элегантною простотой разглядеть нешуточное богатство.

«Интересно, каков был годовой доход мадам прокурора?» — подумала она, профессиональным взглядом окидывая обстановку.

В квартире было идеально чисто, порядок здесь явно поддерживался неукоснительно. Вообще, насколько Ева могла судить, Тауэрс была педантична во всем — в том, как она одевалась, в том, как относилась к работе, даже в том, как тщательно скрывала от любопытной публики свою частную жизнь.

Но что же, скажите на милость, занесло эту элегантною, умную, педантичную даму в подозрительный квартал, да еще посреди ночи?

Ступая по светлому деревянному полу, кое-

где покрытому половичками под цвет мебели и обоев, Ева подошла к столику у стены. Он был уставлен фотографиями в изящных рамках. На фотографиях были дети — мальчик и девочка. Жизнь обоих прослеживалась на всем ее недолгом пока протяжении — от пеленок до колледжа.

Фотографии несколько озадачили Еву. Уже несколько лет она по разным делам сталкивалась с Тауэрс, но о том, что у нее были дети, даже не подозревала.

Некоторое время постояв в задумчивости, Ева потрянула головой и направилась к небольшому компьютеру, стоявшему на письменном столе. Она включила машину и затребовала расписание Сесили Тауэрс на второе мая.

— Так... — шевеля губами, Ева читала выданный компьютером текст: — С утра час в фешенебельном частном клубе здоровья, потом целый день в суде, в шесть часов встреча с известным адвокатом... — А это уже интересно, — пробормотала Ева, и брови ее приподнялись. — Вечером — ужин с Джорджем Хэмметом.

Ева пару раз видела этого Хэммета — Рорк вел с ним какие-то дела. На нее Хэммет произвел впечатление человека вполне приятного. Несколько она знала, он был предприимчив и в то же время осторожен, что позволяло ему получать от своего бизнеса очень и очень солидный доход.

Так, значит, Хэммет был последним, с кем Сесили Тауэрс встречалась в день смерти.

Нажав на нужные кнопки на клавиатуре ком-

пьютера, Ева подождала, когда из принтера вылезла страничка с расписанием, сложила ее и засунула в сумочку.

Потом Ева вызвала программу «теле-линк» и запросила запись всех входящих и исходящих звонков за последние двадцать четыре часа. По хорошему, стоило бы копнуть глубже, но на это время еще будет, рассудила она. Когда информация появилась на экране, Ева переписала нужный файл на дискету, затем вытащила ее и приступила к тщательнейшему обыску квартиры. Обыск занял у нее кучу времени.

К пяти утра голова у Евы буквально раскалывалась: вызов на задание застал ее в постели Рорка, спала же она всего какой-нибудь час, и это теперь начинало сказываться.

— По имеющейся информации, — устало наговаривала она в диктофон, — жертва проживала одна. Не обнаружено никаких признаков того, что жертва покинула квартиру вынужденно или второпях. Не обнаружено также ничего, что могло бы объяснить, как и зачем жертва оказалась на месте преступления. Информация с компьютера записана на дискету с целью дальнейшего изучения. Кассеты с видеозаписями системы безопасности изъяты полицией. В настоящий момент я — лейтенант Даллас — покидаю квартиру жертвы и направляюсь в муниципальное управление. Лейтенант Ева Даллас. Пять ноль восемь утра.

Ева выключила диктофон, уложила его в сумочку и вышла.

До Центрального участка она добралась только в одиннадцатом часу. Живот сводило от голода, и ей пришлось завернуть в буфет. Она совсем не удивилась, что все мало-мальски съедобное уже подмели коллеги, оглядела убогие остатки и взяла шоколадный кекс с теплым пойлом, которое здесь выдавали за кофе. Сдерживая отвращение, Ева проглотила все это и направилась в свой кабинет. Она лишь успела опуститься на стул, как раздался писк ее сотового телефона.

— Лейтенант, — услышала она голос майора Уитни.

— Да, шеф, — ответила Ева, едва сдерживая досаду.

— Зайдите ко мне. Прямо сейчас.

Прежде чем она успела открыть рот, Уитни дал отбой.

— Черт возьми! — пробормотала Ева.

Она устало потерла лицо и обхватила голову руками, запустив обе пятерни в короткие, не слишком аккуратно подстриженные волосы. Вызов шефа камня на камне не оставил от ее самых что ни на есть скромных планов: проверить сообщения на автоответчике, позвонить Рорку и, наконец, минут на десять закрыть глаза.

Ева встала, потянулась, сняла кожаную куртку. Рубашка под курткой была сухой, но джинсы промокли насквозь. Рассудив, что переодеться все равно не во что, Ева смирилась с этим неудобством, взяла свои записи и вышла в коридор.

Если очень повезет, подумала она, у шефа

удастся выпить еще чашку кофе. Но едва переступив порог кабинета Уитни, Ева поняла, что о кофе не может быть и речи.

Против обыкновения, майор Уитни не сидел за столом, а стоял спиной к двери, глядя в большое, во всю стену, окно. Из него открывался великолепный вид на город, на страже порядка которого Уитни стоял вот уже тридцать лет. Весь его вид мог бы говорить о спокойной задумчивости, если бы не намертво сцепленные за спиной руки с побелевшими костяшками пальцев.

Ева внимательно смотрела на широкие плечи, черные с проседью волосы и мощную спину этого человека, который пару месяцев назад отказался от поста начальника полиции, чтобы продолжать делать свое дело здесь.

— Шеф, — произнесла она.

— Дождь перестал.

Ева никак не ожидала подобного приема и потому несколько смутилась, но спустя мгновение ответила:

— Да, сэр.

— Послушайте, Даллас, это же, в общем, хороший город! Легко забываешь об этом, глядя на него из этого кабинета. Но город, в общем-то, хороший. Хотя сейчас мне трудно себя в этом убедить.

Ева не знала, что ответить, и молча ждала.

— Я поручил это дело вам, хотя формально должен был бы поручить его Деблински.

— Деблински — хороший полицейский.

— Да, хороший. Но вы лучше.

Ева не могла сдержать довольную улыбку, она и в самом деле была крайне польщена. К счастью, Уитни по-прежнему стоял к ней спиной.

— Я ценю ваше доверие, майор.

— Вы заслужили его. Поверьте, у меня были довольно веские причины нарушить субординацию и выбрать вас. Мне нужен лучший из лучших. Чтоб в лепешку разбился, но убийцу нашел.

— Майор, все мы тут знали прокурора Тауэрс. Во всем Нью-Йорке нет полицейского, который не был бы готов разбиться в лепешку, лишь бы найти ее убийцу.

Уитни глубоко вздохнул и повернулся к Еве. Несколько мгновений он молча смотрел на женщину, которой поручил расследование. Она была стройна и на первый взгляд даже могла показаться хрупкой. Но он знал, что это не так — у него были случаи убедиться, сколько силы и энергии заключено в этом изящном теле. Глубокие тени под ее карими глазами и бледность скуластого лица выдавали крайнюю усталость. Но сейчас он не мог позволить себе беспокоиться об усталости подчиненных.

— Сесили Тауэрс была моим другом — близким другом.

— Понимаю, — кивнула Ева, стараясь скрыть удивление. — Мне очень жаль, шеф.

— Я знал ее много лет. Мы ведь вместе начинали — амбициозный работяга-полицейский и юрист-трудоголик. А потом мы с женой крестили

ее сына. — Уитни умолк, но почти сразу же взял себя в руки и продолжил: — Да, кстати, о ее детях. Жена как раз поехала встретить их. До похорон они будут жить у нас. — Прокашлявшись, он заговорил сквозь зубы, почти не раскрывая рта: — Сесили была одним из самых старых моих друзей. Я не только восхищался ею как профессионалом — я очень любил ее. Моя жена совершенно убита случившимся, а дети Сесили просто раздавлены горем. Единственное, чем я мог хоть как-то утешить их, это обещать сделать все возможное, чтобы найти убийцу их матери. Чтобы восторжествовало то, чему она отдавала все свои силы, — справедливость.

Уитни тяжело опустился в кресло. Сейчас он совсем не походил на начальника — перед Евой был просто безумно усталый человек.

— Я говорю вам все это, Даллас, чтобы вы поняли: в этом деле от меня не приходится ждать объективности. Я буду сама предвзятость. И поэтому я всецело завишу от вас.

— Очень благодарна вам за откровенность, шеф, — сказала Ева и на мгновение замолчала, взгляд ее стал жестче. — Я считаю, что как близкого друга жертвы вас следует допросить как можно скорее. И вашу жену тоже. Если вам об этом удобнее, допросы я могу проводить у вас дома, а не здесь.

— Прекрасно, Даллас, — вздохнул Уитни. — Потому-то я и назначил вас следователем по этому делу. Немногие из вашей братии способны вот

так прямо переходить к делу, невзирая на лица. У меня к вам только одна просьба. Вы сделали бы мне большое одолжение, согласившись пару дней подождать с допросом моей жены. И лучше будет не вызывать ее сюда, а допросить дома.

— Хорошо, сэр.

— Ну а теперь расскажите, что у вас уже есть.

— Я обследовала квартиру жертвы и ее рабочий кабинет. Из кабинета я взяла документы по делам, которые она вела за последние пять лет. Их надо внимательно изучить. Возможно, кто-то, кого она в свое время упрятала за решетку, уже вышел на свободу. Среди ее клиентов было довольно много обвиняемых в убийствах с особой жестокостью. И все они сели.

— Да, в суде Сесили была сущим тигром. Никогда не упускала ни малейшей детали, никогда не ошибалась. До сегодняшней ночи.

— Майор, скажите, как она могла очутиться там ночью? Вскрытие показало, что смерть наступила в час шестнадцать. Тот район не из приятных: грабежи, проституция; в паре кварталов от того места, где ее нашли, — известная точка торговцев наркотиками.

— Я сам себя все время спрашиваю об этом. И не могу найти ответа. Сесили была женщиной осторожной, но в то же время... как бы это лучше сказать... самонадеянной. — Уитни чуть заметно улыбнулся. — Как ни странно звучит, но это так. Она не сомневалась, что справится с любым по-

донком. Но чтобы сознательно подвергать себя серьезному риску?.. Не знаю, не знаю...

— В последний раз она выступала против некоего Флуэнтеса, обвиняемого в убийстве второй степени — задушил любовницу. Его адвокат настроен решительно, но Тауэрс все равно наверняка бы его посадила.

— Этот Флуэнтес — под стражей или на свободе?

— На свободе. До того не привлекался, так что его выпустили под смехотворный залог. Как вы думаете, могла Тауэрс пойти на встречу с ним?

— Совершенно исключено. Встретиться с обвиняемым вне зала суда значило бы заведомо проиграть дело. — Уитни задумался, вспомнил, очевидно, живую Сесили, и по его лицу пробежала судорога. — Этого бы она себе ни за что не позволила. С другой стороны, он мог обманом добиться встречи с ней.

— Я подумала об этом. Кстати, вчера вечером она собиралась поужинать с Джорджем Хэмметом. Вы знаете этого человека?

— Да, немного знаком. Сесили встречалась с ним время от времени. Но там не было ничего серьезного — во всяком случае, так утверждает моя жена. Она давно пыталась подыскать для Сесили «идеального мужчину».

— Майор, сейчас, пожалуй, самое время задать вам этот вопрос. Без протокола. Вы состояли с жертвой в интимных отношениях?

У Уитни дернулась щека, но выражение глаз осталось прежним.

— Нет, не состоял. Мы дружили, и я безумно дорожил нашей дружбой. По сути, она была членом семьи. Вы ведь понимаете, что такое семья, Даллас?

— Нет, — произнесла Ева без всякого выражения. — Боюсь, что не понимаю.

— Простите меня, — Уитни спрятал лицо в ладони и пальцами сильно надавил на веки. — Я не должен был спрашивать вас об этом. Впрочем, и ваш вопрос был не лучше. — Он отнял руки от лица и посмотрел на Еву. — Вам ведь не случалось переживать потерю очень близкого человека, Даллас?

— Не припомню ничего подобного.

— Это надолго выбивает из колеи, — пробормотал он почти про себя.

Его слова прозвучали более чем убедительно. За те десять лет, что Ева знала Уитни, она успела повидать его в самых разных состояниях. Он бывал раздраженным, нервно-нетерпеливым и хладнокровно-жестоким. Но никогда еще она не видела шефа совершенно раздавленным.

«Если терять близких так ужасно, можно считать, что мне сильно повезло», — мелькнуло у Евы в голове. У нее не было семьи, а от детства остались только смутные обрывки малоприятных воспоминаний. Более или менее отчетливо свою жизнь она помнила с восьми лет, когда ее, оборванную и всеми брошенную, добрые люди подоб-

рали в тexasской глуши. А что с ней происходило до того, не имеет никакого значения — по крайней мере, Ева всегда упрямо убеждала себя в этом. Она стала тем, кем была сейчас, благодаря лишь собственным усилиям. Конечно, у нее были друзья — люди, которым она могла полностью доверять. Но друзья — это все-таки не родные. Самые близкие отношения связывали Еву с Рорком. Этому человеку она отдавала все, что только могла отдать. Интересно, если бы ей вдруг пришлось потерять его — ввергло бы ее это в ту же пучину отчаяния, в какой оказался Уитни из-за смерти Тауэрс?

Вернувшись в свой кабинет, Ева не стала размышлять над этим отвлеченным вопросом, а набросилась на кофе с конфетами, которые ей удалось раскопать в завалах одного из ящиков стола. В теперешних обстоятельствах нормальный завтрак представлялся ей такой же несбыточной мечтой, как, к примеру, недельный отпуск на островах Индийского океана. Глотая остывший кофе и заедая его конфетами, Ева прямо на мониторе читала отчет о результатах вскрытия.

Время смерти то же, что было названо врачами с самого начала. Причина смерти — потеря крови и кислородное голодание, наступившие вследствие рассечения яремной вены. Приблизительно за пять часов до смерти жертва пообедала. Меню ее последнего обеда: морские гребешки с зеленью, вино, кофе, свежие фрукты со взбитыми сливками.

Сообщение о преступлении поступило в полицию очень быстро. Сесили Тауэрс была мертва от силы десять минут, когда ее тело заметил таксист, у которого хватило смелости или безрассудства заехать в тот район. Первая патрульная машина прибыла на место преступления через три минуты после его звонка.

Убийца к этому времени благополучно скрылся. Впрочем, в подобном квартале это не проблема. С одинаковым успехом он мог незамеченным уехать на машине, убежать переулками или просто зайти в один из ближайших кабаков. Правда, он должен был перепачкаться кровью — из перерезанной яремной вены кровь бьет фонтаном. Но тут убийце, видимо, помог дождь, смывший кровь с его рук.

Деваться некуда — придется прочесать весь квартал, опросить десятки человек, отнюдь не склонных к сотрудничеству с полицией, но обычно соглашающихся говорить за определенную мзду.

Ева с головой погрузилась в изучение фотографий места происшествия, но тут, как назло, запищал сотовый телефон.

— Отдел убийств, лейтенант Даллас слушает.

— Что скажете, лейтенант? — раздался знакомый голос, бодрый и напористый.

Ева едва сдержалась. Она была очень невысокого мнения обо всех репортерах вообще, но Си Джея Морса считала последним подонком.

— Вам повезло, Морс. То, что я хотела бы вам сказать, я на сей раз говорить не стану.

— Бросьте, лейтенант! — Голос Морса звучал уверенно. — Вы же знаете: публика имеет право знать то, что ей знать хочется.

— Ну а я имею право решать, что ей знать не надо. Мне нечего вам сказать.

— Мило! Неужели мне придется сообщить, что Ева Даллас, лучшая из лучших нью-йоркских сыщиков, ровным счетом ничего не накопала по делу об убийстве одной из самых уважаемых, самых выдающихся и самых популярных представительниц власти? Что ж, я легко это сделаю. Не знаю только, насколько такая подача информации понравится вам.

— Морс, если вы думаете, что мне до всего этого есть хоть какое-нибудь дело, вы глубоко заблуждаетесь. — Ева усмехнулась и уже занесла палец над кнопкой отключения.

— Вам, возможно, и все равно, но как это скажется на репутации отдела? — поспешно произнес Морс. — В частности, на репутации майора Уитни, который назначил вас на это дело в обход субординации. Ну и про Рорка, конечно, вспомнят.

Ева убрала палец от кнопки.

— Расследование убийства Сесили Тауэрс — первоочередная задача нашего отдела, майора Уитни и моя. Можете опубликовать это заявление. И запомните: Рорк не имеет никакого отношения к моей работе в управлении.

— Да что вы говорите?! А я-то полагал, что все, что касается вас, касается и Рорка. И наобо-

рот. Кстати, тут выяснилось еще одно небезынтересное обстоятельство: да будет вам известно, что ваш Рорк вел дела с убитой, с ее бывшим мужем и с ее нынешним любовником.

Руки Евы непроизвольно сжались в кулаки.

— Рорк — бизнесмен. Он ведет много разных дел с большим количеством разных людей. Кстати, я и не знала, что вы снова взялись за светскую хронику, Си Джей.

Последние слова задели Морса за живое. Больше всего на свете он не любил напоминаний о том, что в начале своей карьеры подвизался на ниве скандальных слухов и светских сплетен. Теперь, когда он сумел занять прочное положение в судебной журналистике, подобные напоминания стали ему особенно неприятны.

— У меня с тех пор остались кое-какие связи.

— А еще с тех пор у вас остались угри по всей физиономии. Попробуйте, что ли, их чем-нибудь мазать, — не слишком остроумно огрызнулась Ева и отключила телефон.

Она вскочила на ноги и принялась нервно мерить шагами тесное пространство своего кабинета. Ну какого черта в связи с убийством всплыло имя Рорка?! И что за дела у него были с Тауэрс, с ее любовником и бывшим мужем?

Ева снова рухнула в кресло и сердито уставилась на разбросанные по столу бумаги. Ладно, о связях Рорка с покойным прокурором она все узнает очень быстро. Хорошо хоть то, что она была абсолютно уверена в его алиби. В тот день и час,

когда неизвестный злоумышленник перерезал горло Сесили Тауэрс, Рорк самозабвенно и неистово занимался любовью с лейтенантом Даллас.

2

С большим удовольствием Ева поехала бы сейчас к себе домой — в квартиру, которую она продолжала снимать, несмотря на то что почти все ночи проводила у Рорка. Там она могла бы немного привести себя в порядок, спокойно подумать, поспать, наконец. И попытаться восстановить события последнего дня жизни Сесили Тауэрс. Но вместо этого она поехала к Рорку.

Ева смертельно устала и вела машину автоматически: благо она хорошо знала дорогу и легко маневрировала на запруженных машинами улицах. Ей выпала возможность минут на десять расслабиться. Весна в тот день наконец-то вступила в свои права. Ева опустила стекла, и в машину тут же вторглись звуки оживленной улицы: автомобильные сигналы, шуршание покрышек, гудки автобусов, болтовня пешеходов.

Чтобы не слышать навязчивых туристских громкоговорителей, она повернула на Десятую улицу. Можно было бы выиграть время, проехав мимо Центрального парка, но Еве не хотелось в тысячный раз слушать о нью-йоркских достопримечательностях, истории и традициях Бродвея, великолепии музейных собраний и ассортименте

товаров, предлагаемых шикарными магазинами, протянувшимися от Пятой до Мэдисон-авеню.

Ненадолго застряв в пробке на 56-й улице, Ева оказалась прямо напротив огромного рекламного щита, на котором потрясающий красавец целовался с не менее потрясающей красавицей. Надпись гласила, что изрядной долей восторга оба они были обязаны освежителю дыхания «Горный источник».

Неподалеку от Евы две машины оцарапали друг другу борта; из обеих выскочили водители и принялись обмениваться изошреннейшими проклятиями. К сцене не остались безучастными ни пассажиры оказавшегося рядом автобуса, ни пешеходы, моментально столпившиеся на тротуаре. Вскоре на место происшествия прибыла патрульная машина. Дорожный полицейский в мегафон убеждал эмоциональных водителей не мешать движению, обещая в противном случае наложить штраф.

Мало-помалу пробка рассосалась. По мере того как Ева пробиралась от центра к окраинам, состоятельные жители которых принадлежали к привилегированным слоям, облик улиц менялся — они становились шире и чище, все больше вдоль них было деревьев, вскоре начали появляться целые скверы и небольшие парки. Проезжавшие мимо машины были по большей части новыми и исключительно дорогими, пешеходы — все, как один, — облачены в костюмы от лучших портных.

Наконец ее машина подъехала к владениям Рорка. Деревья в парке стояли в цвету, и на фоне по-весеннему свежей, сочной листвы яркими пятнами выделялись белые, розовые, красные гроздья соцветий.

Дом из серого гранита и стекла сверкал в лучах предзакатного солнца. В первый раз Ева увидела его несколько месяцев назад, но все равно каждый раз по-прежнему поражалась этому чистому воплощению откровенно беспредельного богатства. И каждый раз невольно спрашивала себя, что может быть общего у нее с владельцем этого особняка.

Ева остановила машину у подъезда и взбежала вверх по ступенькам. У нее был свой ключ, но пользоваться им она считала ниже своего достоинства. Дворецкий Рорка, Соммерсет, в свою очередь, глубоко ее презирал и не давал себе труда пытаться свое презрение скрыть.

Вот и теперь он открыл ей дверь с уже готовым недовольным выражением на лице. Оглядев Еву с головы до ног, дворецкий дал понять, что от его внимания не укрылось, в каком плачевном состоянии пребывает ее одежда — та же самая, что в прошлый раз.

— Мы не ждали вас так скоро, лейтенант.

— Кто это — мы? — язвительно хмыкнула Ева. Зная, как это злит Соммерсета, она стянула грязную и мокрую кожаную куртку и вручила ее почтенному старцу. — Рорк дома?

— Он занят делами строительства.

— Курорт «Олимпус»?

Соммерсет брезгливо скривил рот.

— Как вам, должно быть, известно, я не имею привычки совать нос в дела Рорка.

«Да ты всегда прекрасно знаешь, где он и чем занят!» — подумала Ева, но промолчала и через просторный холл направилась к мраморной лестнице.

— Я поднимусь наверх и приму ванну, — заявила она, а потом уже с середины лестницы с некоторым высокомерием бросила: — Доложите ему о моем приходе, когда он закончит со своими делами.

Едва перешагнув порог спальни, Ева принялась раздеваться. Ее путь к ванной обозначила цепочка брошенных на пол вещей — сначала ботинки, потом рубашка, джинсы, белье.

Она включила горячую воду и насыпала в ванну ароматической соли, привезенной Рорком из каких-то экзотических мест. Эта соль придавала воде цвет морской лазури и запах сказочного леса.

Вода была такой горячей, что Ева сначала никак не могла собраться с духом и опуститься в огромную ванну. Наконец она решилась, набрала в легкие побольше воздуха и с головой окунулась в благословенный жар. Досчитав до тридцати, она подняла голову и с закрытыми глазами застыла в полном блаженстве.

В этом состоянии ее и застал Рорк.

Другой бы на его месте решил, что она пол-

ностью расслабилась. Но это означало бы, подумал Рорк, что этот другой совсем не знает и не понимает Еву Даллас. Сам же он был так близок с ней — и сердцем, и умом, — как не бывал близок ни с кем прежде. Но и для него в дебрях ее души и сознания оставалось множество неизведанных уголков. Ева не переставала удивлять его; каждый раз, когда он был с ней, ему открывалось что-то новое.

В ароматной пене было видно только ее лицо — щеки покраснелись от жара, глаза закрыты. Но Рорк видел, что полностью Ева не расслабилась. О внутреннем напряжении говорила едва заметная складка между бровями.

Нет, Ева погружена в свои мысли, она чем-то обеспокоена и что-то обдумывает, решил Рорк. Он подошел к ванне бесшумной походкой, которую приобрел еще в детстве, проведенном в дублинских трущобах. Когда он уселся на край ванны, Ева не пошевелилась, но Рорк знал, что она наверняка почувствовала его присутствие.

Через некоторое время Ева открыла свои золотисто-карие глаза и пристально посмотрела в его синие. Как всегда, от одного взгляда на Рорка она испытала тревожное волнение. Его безусловно красивое лицо, обрамленное густыми темными волосами, не переставало удивлять ее — это было сошедшее с живописного полотна лицо падшего ангела.

— Извращенец, — произнесла Ева, нахмутив брови.